

СТРЕТЬЕЙ ПОПЫТКИ я досмотрел "Барби". Этот фильм звучный, примитивный, агитка в буквальном смысле слова. За что агитирует фильм? Ну вы знаете: чтобы люди не размножались; что цветные люди лучше, чем белые; что женщины и геи лучше, чем мужчины; что семья не нужна; что детей не надо. Что еврейская женщина создала Барби и сделала из неё человека (к слову, эта еврейская женщина похожа на мою маму Эсфирь Моисеевну). Это расистский (анти-европейский) фильм, сочащийся мизандрией (ненавистью к мужчинам) из каждого кадра. Но ничего, под водительством еврейских старушек европейские женщины быстро прекратят воспроизводство этого вида.

Хотя в России этого, слава богу, нет, мы знаем, что в Америке — и во всех странах, следующих в её фарватере — есть большая проблема с так называемыми сексуальными домогательствами, которую она унаследовала от пуритан. Сейчас в эти дни горит у них актёр Рассел Брэнд, на котором они решили повторить опыт с Вайнштейном. Вот выныривают из прошлого девушки, которые грешили с Брэндом, и все они поголовно обвиняют его в изнасиловании. Надо же, сколько раз он сумел изнасиловать актрис, и ни разу никто не пошёл в полицию. Десятки женщин заявили на

Вторая проблема Америки — это многорасовое общество: белые, цветные, чёрные. Все они хороши, но капиталисты хотят их перессорить, чтобы было легче ими править. Алексей Толстой это заметил в своём "Гиперболоиде инженера Гарина". У него Гарин разделяет рабочих по национальностям, раздаёт им национальную одежду, рассылает священников с национальными колоритом, и его провокаторы устраивают схватки между ними. В фильме "Барби" белые противопоставлены цветным, но затем смиряются перед цветными. Ведь нужно иметь возможность привезти мигрантов и оттеснить коренное население!

"Барби" — это оружие НАТО, точнее, это оружие Шваба и Гейтса, Демпартии и "пробуждённых" (wokes), нацеленное на женщин с тем, чтобы обратить их против мужчин, и на цветных, чтобы обратить их против белых. К счастью, как и у любой агитки, художественная ценность фильма невелика.

Другой фильм, вышедший в последнее время, — это "Оппенгеймер", о создателе атомной бомбы. Недавно Сергей Караганов призвал к ядерному удару по объектам на Западе, чтобы возратить страх в души американцев. Фильм "Оппенгеймер" рассказывает предисторию. Причём с довольно светлых позиций. Установки режиссёра Кристофера Нолана несколько напоминают фильм Уор-

рена Битти "Красные" о Джоне Риде и его подруге Луизе Брайант. Герой чудом не оказался на электрическом стуле с супругами Розенберг, но в результате только лишился допуска к секретам. Человек с просоветскими взглядами, блестящий физик Оппенгеймер стал отцом атомной бомбы. Впрочем, он считал, что её используют против Германии, но увы, не успели и бахнули по Японии. Жаль, что не по Германии, говорит герой. То есть в принципе герой (который всё же киношный персонаж) не против небольшого геноцида, постольку поскольку это спасёт от геноцида евреев. В американском иудеоцентрическом мире должна быть еврейская точка в кино, чтобы мы знали, кто хороший, а кто плохой. И его благословляет Альберт Эйнштейн, что заменяет благословение раввина.

Фильм напоминает, что Германия вела в атомной гонке, хотя забывает сказать, почему она проиграла. В фильме дано объяснение: потому что нацисты ненавидели евреев, а без них атомную бомбу не сделать.

Мрачная фигура в фильме — адмирал Штраус (ещё один еврей), который от антикоммунизма или из мести завершил карьеру Оппенгеймера. Светлая фигура — коммунистка-любовница Оппенгеймера, которая слишком быстро кончает с собой.

А в целом, мы знаем историю Лос-Аламоса и проекта "Манхэттен". Герой фильма, как и исторический персонаж, хорошо относился к Советскому Союзу и призывал к передаче ядерного оружия под ответственность ООН и к сотрудничеству с советскими физиками. Упомяну для сравнения советского отца водородной бомбы покойного академика Сахарова, который послал приветственную телеграмму Пиночету, когда тот убил либерала Аленде. Впрочем, знающие люди говорят, что к созданию сверхмощной бомбы Сахаров не имел отношения. А Оппенгеймер боролся за мир и оставил о себе не слишком мрачную память.

КИНО И НЕМЦЫ

Голливуд без прикрас

Дональда Трампа в рамках борьбы с ним. А до этого была кампания "MeToo", когда они обучились поднимать массовые протесты. И всё это оказалось воплощено в "Барби".

Барби, идеал Америки 50-х годов, была куклой, на которую ориентировались девочки моего детства: с ней играли мои сверстницы или, скажем точнее, младшие сёстры. В фильме всё перевёрнуто с ног на голову. Барби в фильме с гордостью восклицает: "У меня нет вагины". Девочки, увидев её, разбивают головы своих пупсиков о камень. Барби отказывает Кену в поцелуе, выгоняет его из дома — её мужчины не интересуют.

Мы уже усвоили, что американские фильмы не просто так снимают. Они — средство индоктринации. Недаром "из всех искусств для нас важнейшим является кино", (может быть) сказал Владимир Ильич Ленин. Кино невероятно повлияло на человечество, и в первую очередь американское кино, Голливуд. Европейский кинематограф был другим, он был национальным — английским, французским, немецким, русским, грузинским, польским, шведским и так далее. Голливуд был нацелен на всех. Он метил на общий знаменатель — самый низкий. Он всех превращал в американцев. Это заметил турецкий писатель Орхан Памук в своей "Чёрной книге": турки, смотревшие американские фильмы, вели себя, держали себя не так, как их отцы, но как американские актёры.

Евреи играли огромную роль в Голливуде, потому что они были гражданами без национальной общины — просто американцы, только лучше, по их мнению. И они делали кино для деэтнизированных, денационализированных масс, на "вообще людей", и на этом в значительной степени основано их огромное влияние на Америку, а затем уже и на весь мир. Еврейское кино в России и в Израиле было кинематографом для национальной группы и имело не больший успех, чем любое другое. И тогда евреи решили делать кино для всех, но еврейское. Чтобы досталось всем, чтобы идеи были еврейскими, то есть прогрессивными, а всё остальное — всеобщее.

Барби в фильме живёт в Барбилэнде, где все — Барби. Только разного цвета волос и кожи. Мужчины — Кены — живут отдельно и ничего не делают. Зачем они существуют — непонятно. Семей там нет, детей — нет. Такой сладкий парадиз. И понемножку мы понимаем установки создателей фильма: надо выдавить мужчин на обочину жизни. Поэтому они так люто не терпят Трампа, Путина, Нетаньяху, Орбана. Их место должны занять дамы вроде фон дер Ляйен или Камалы Харрис. С ними легче управляться. Как нам показал пример Италии (Джорджа Мелони) и Англии (Лиз Трасо), они будут шагать в ногу. А мужчин можно писать, кастрировать, обезвреживать. Со стадом коров легче справляться, чем с быками и коровами.



Кадр из фильма «Оппенгеймер» (2023)

Исраэль ШАМИР

ЧЁРНЫЙ БЕЛЫЙ ДОМ

О фильме «1993»

УВИКТОРА ГЮГО есть роман "Девяносто третий год", и у Сергея Шаргунова тоже есть книга с похожим названием — "1993". Два столетия, но единый смысл: поведение человека на сломе веков, в конце эпох. В 2023 году режиссёр Александр Велединский взялся за экранизацию романа, и никто не ждал ничего путного, учитывая все те коряво-тенденциозные "ретро-фильмы", коими нас потчевали долгие годы.

И — о, чудо! — киноверсия получилась мощнее первоисточника. Там, где у Шаргунова — схема, у Велединского и его команды вышло нечто вроде откровения. Больше того, авторам удалось то, чего мы давно уже и не требуем от создателей: уповить дух

Повесть о прошлом, уже подзабытом. В начале 1990-х был популярен мультесериал "Черепашки-ниндзя" о храбрых мутантах, обитающих в канализации, но при том борющихся со злыми силами города Нью-Йорка. Так и Виктор...борется с засорами да прорывами. Идеальна, хотя и прямолинейна символика — человек, а если шире — весь социум обмусолился, променявши высокое Небо на подземную темь и всё то, чем богаты канализационные колодцы.

Это гладко звучит, но по факту — не совсем так. Нынче многие зудят, что мы из царства социалистической благодати окунулись в дикий мир бандитизма и наживы, причём не сами

ника рыночного парадиза он превращается в противника ельцинизма.

Узнаваемо и даже гротескно явление тогдашняя житуха: смесь нищеты и надрыного желания долще-виты. Эпизодик — очкастый парень стоит в переходе с картонкой: "Физик-ядерщик ищет работу. Интим и гербалейф не предлагать". Эра тотальной распродажи! Все торгуют всем. Компьютерами, "Шанелью номер 5" польского розлива, фальшивым "Адидасом", видеотехникой, впрочем, настоящей, а ещё цветметом, Родиной и совестью.

Вакханалия тряпично-табачных ларьков, мимо которых бредут герои фильма и отовсюду выглядывают лейблы. Ветхие стены гастрономов и галантерейных отделов не ремон-

выныривая из недр, пахнет отнюдь не "Фаренгейтом" от Dior?

Подворачивается годный вариант — на одном из тренингов личного роста Лена пересекается взорами с эффектным лектором-миллионером (Максим Лагашкин). Тот вититствует в стиле американского проповедника: "Деньги — барометр общественной добродетели". Мужчина-фатум! Глаза Лены возгораются хищным пламенем, и понеслось! Но — не вынесла. Потому что любит своего мужа-неудачника, работающего черепашкой-ниндзя. Тут рассказано ещё и о том, что не все люди в 1990-х бежали в сторону пороков и предательства, а если и бежали, то вовремя останавливались. Эпоха проверки.

Мучительная пора выбора! Сборища и толковища. Спохохи и заказы. Литературно-книжные лотки, они предлагали всё: от античной эстетики Лосева, изданной на газетной бумаге, до "Конана-варвара" с картинкой Бориса Вальехо, коему, надо полагать, не заплатили ни цента авторских.

Мафия как реальность. Слпы уверенных мужчин в кашемировых пальто и добротных пиджаках. Могучие, тупые затылки. Эти мафиози тоже воспользи не из преисподней — они выросли в соседнем дворе, завидуя мажорам и пухлым отличникам. Теперь волчатя выросли и жёстко расправляются с нуворишами. Среди героев повествования — честный предприниматель Янс (Александр Робак). Мужика убивают, и всем известно, что выпустил пулю — пацанчик из местной шантрапы, прошедший своеобразную инициацию: почуять вкус кровищи, влиться в стаю.

Исчез андеграунд, зато наступила цветущая пора непуганных неформалов: их перестали замечать, им разрешили носить чёрные косухи и выкручивать любую рок, — теперь он преспокойно лился с телеэкранов. Семья Виктора вяло наблюдает по "ящику" знаковый клип "Иду — курю" группы "Ноль". С такими лицами обычно смотрят нечто привнесённое и типовое. Кстати, в 1991–1993 годах был настоящий бум сериалов — мексикано-бразильской тяготыныти плюс нескончаемая "Санта-Барбара", и такие, как жена и дочь Виктора, однозначно смотрели бы 1001 серию проекта "Моя вторая мама", "Просто Мария", "Никто, кроме тебя". Странно, что сей живописнейший нюанс не был отражён в киносценарии.

Начало 1990-х — эра политической борьбы, и воевало не столько новое-бизнесовое со старым-коммунистическим, сколько все со всеми. Чад и жесь! Митинги и рейтинги. Портреты Сталина и — хоругви. Калейдоскоп течений, флагов и нарукавных повязок. Колоритные личности, порождённые той эпохой, ныне вольную лишь историков. Названия газет, партий и партии, провищая — всё отдавало каким-то маскарардом. Полит-сообщества организовывались не для победы, но ради самой динамики. Ради бесконечного движения. Куда? Пока неясно.

На фоне устрашающей и забавной пестроты возникла ситуация, которую в словарях называют "правительственным кризисом". Однако же случилось беспрецедентное — глава государства напал...на само государство, ибо на тот момент верховным органом власти являлся Съезд Советов. Его-то и "отменил" не просыхав-

ший Борис Николаевич. Защиту Белого дома часто рисуют как "левый" бунт против торгашеско-попсово диктатуры Бориса Николаича, и в драме Велединского основной движущей силой показаны красные.

Пара юных радикалов — мальчик и девочка, одетые в серпасто-молоткастые футболки да кожанки с заклёпками, волею судеб знакомятся с Виктором. Он их дважды спасает. Причём, второй раз помогает добраться до мятежного Белого дома через канализационные пути. Этот акцент на коммунистическом, просоветском дискурсе хорошо влетает в ностальгическую злость главгероя: он печалится об исчезнувшей Красной Империи, когда-то покорившей Космос.

По делу, главным игроками в защите Дома Советов были ребята из Русского Национального Единства (на сегодняшний день РНЕ в целом не признано экстремистским сообществом — суд признал таковыми ряд отделений). Но в кинокартине весь фокус внимания смещён в "левую" сторону, а "правые" движения заявлены слабо — в виде пары-тройки черноурбашечников с имперками, белогвардейцев в корниловских и марковских фуражках, представителей казачества.

Отображение событий сделано с почти хроникальной точностью, и кадры выхвачены напрямую из репортажей 1993 года. Костры, флаги, палатки, пение под гитару. Итак, Виктор оказывается возле Дома Советов, а его супруга Лена бежит в район Тверской улицы, где кучковались сторонники рыночной воли. Одна из идей романа и фильма — бытийный разлом коснулся каждого семейства.

Наверняка (и мне хочется ошибаться) фильм будет интересен лишь тому, кто успел пожить в 1990-х и кого зацепили события осени 1993 года. Так сказать, "бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они". К тому же, за последние годы российские кинематографисты создали, по крайней мере, с десятком отличных фильмов, но их забывали, не успев толком прочувствовать.

Кто сейчас вспоминает "Легенду № 17" или, допустим, "Балканский рубеж"? Даже громкий "Вызов", где Юлиу Пересильд запустили в космос. Критики хвалили, а патриотическая журналистика взрывалась неподдельным восторгом. Выват! Российское кино оживает! И что? Оно тридцать лет и три года всё никак не догонит советское ни по качеству, ни по смыслу, а единичные победы тонут в унылой жиже поделок и подделок.

Безусловно, "1993" приятно удивляет актёрской игрой: и Евгений Цыганов, и Екатерина Вилкова, и остальные участники не просто отбарабанили текст, но и прожили на экране. Делаем вывод: актёры-то у нас есть, а вот режиссура чаще халтурная. А тут сошлись все звёзды, чтобы получились настоящий, живой фильм. Кроме того, это смачная пощёнина либерализму со его Ельцин-центром и лампаналии о "святых девятностях".

Все годы тема расстрела Белого дома так или иначе замяталась под ковёр и делался вид, что ничего эдакого не случилось в самом центре Москвы. Всего-навсего мелкая заварушка с участием красно-коричневой поросли, сумасшедших бабок и бывших физиков-лириков, изгнанных из прикрытых НИИ. Чёрный фасад здания отстремитировали так быстро, что не успели его сфотографировать. Забор вырос тут же, дабы неповадно было шлаться всяким-яким около дворцов победившей демократии. Да, с 1990-х началась эра заборов, железных дверей, охранников, домофонов, секретных кодов — свобода, она такая! Но это, братцы, уже совсем другая история.

Галина ИВАНКИНА

ПЕТУХОВ

Писатель-воитель

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

ТВОРЧЕСТВО Юрия Дмитриевича ПЕТУХОВА (17 мая 1951 г. — 1 февраля 2009 г.), словно кёрн ледника, вобрало в себя атмосферу "ликих девятностых" со всеми её особенностями, когда население нашей страны, которая строила общество нового типа, в результате невероятной, но вполне рукотворной социальной катастрофы оказалось "выброшено на мороз" глобальных рыночных отношений и пыталось как-то выжить в этих условиях, найти для себя точки опоры не только в настоящем или в прошлом, но и на будущее. "Как только нас повергли наземь, "мировое сообщество" единогласно и торжествующе повернуло большой палец к земле — "убить победённого". И нас убивают... Ускоренными темпами. Беспощадно и безжалостно. С садистским сладострастием. Под рукоплескания всего остального мира", — писал Юрий Петухов в статье "Апостолы дьявола" (1990 г.) — ещё тогда, когда у советских "перестройщиков" и будущих "демократов" ельцинской "новой России" с "партиёрами" из "цивилизованного мира" всё было вроде бы в шоколаде, экономику ещё не разрушили "рыночными реформами", а страну не разрубили на кровавые ошметки. Теперь, с началом СВО, это стремление Запада добить Россию любой ценой даже перестали скрывать.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ и даже фантазийный "сверхреализм" Юрия Петухова, все возможные претензии к которому уже давно были высказаны (в том числе — в судебном порядке, вплоть до запрета, изъятия и уничтожения его художественных книг "Четвёртая мировая" и "Геноцид", причём (так совпало), произошло это буквально через пять дней после Мюнхенской речи Путина), было бы нелепо рассматривать и оценивать вне данного контекста. Ключ ко всем авторским супергероям: "космодесантникам" и "русам-ариям-архалиским дружинникам" или к суперзлодеям-пришельцам можно без труда обнаружить в книге "Чёрный дом", написанной в 2000 году и повествующей о событиях "чёрного октября" 1993-го, в том числе — о народном прорыве к Дому Советов, в котором автор участвовал лично: "Ни один из памятников, ни один из барельефов не сможет запечатлеть того, что видел я: горящие неземным, праведным огнём лица, кровавые раны, рассечённые лыбы, щёки, подбородки, разбитые губы... налипшие сверху гарь, пыль, чернота. Святые лица! Точно такие были у богатырей Дмитрия Донского, когда они сломили Орду, обратили её в бегство, и у ратников Минина и Пожарского... изгнавших иноземных карателей из Москвы, и у чудо-богатырей Суворова, защищавших Россию, и у гренадёров, выстоявших на Бородинском поле, и у наших отцов и дедов, не сдавших ордам "мирового сообщества" Москву в 1941 году... Святые лица защитников и воинов Святой Руси! Слава вам, герои Отечества! Слава вечная — отныне и присно, но веки веков! Русский народ не забудет вашего подвига!..."

И это был не конъюнктурный политический выбор писателя, прекрасно знавшего истинную цену политике и политике, — это был его мировоззренческий выбор. "И непонятно мне было, почему туда (в Дом Советов, — В.В.) столь отчаянно рвётся Проханов, проклинаящий совсем недавно губителей Союза — всех этих депутатов, Рущиных, Хасбулатовых... Один ответ. Других не было. Или сейчас, или никогда. Поле Чести! Время не даст другого шанса..." Весь литературно-исторический "грязь" Юрия Петухова был как раз попыткой с чёткостью использовать выпавший ему в конкретных обстоятельствах места и времени шанс, но в любом случае это не было предательством своих, помощью в добывании поверженных и побеждённых — напротив, он пытался спасти не только себя, но и свою Родину, своих читателей-соотечественников, дезориентированных, разъединённых, опустошённых и разувверившихся, — дать им подняться и сражаться даже вопреки всему. "Мужественным воителем, бегущим от унылой быстротекущей жизни", назвал Юрия Петухова в своей поминальной статье о нём Владимир Личутин. "Моя любимая газета духовной оппозиции "День"... — феномен потрясающего духовного сопротивления поработителям России, подвигничество Русской интеллигенции, не подавленной "мировым сообществом", не превращённой наподобие "интеллигенции" русскоязычной в холуёв и лакеев", — признавался сам писатель весной 1993 года. И до конца дней, уже будучи официально признанным "экстремистом", "националистом" и так далее, он не изменял своему выбору, был частью этого сопротивления.

"Каждый воин бьётся, пока ему достаёт сил, а потом он бьётся сверх силы своей..." Наверное, можно согласиться с тем, что после краха СССР Юрий Петухов начал биться — в литературе и в жизни — уж очень сверх своих реальных сил и возможностей, но можно ли и нужно ли ставить это ему в упрёк? Других было мало. Хотя они, конечно же, были. И не только в газете "День"/"Завтра". Коллективное письмо в защиту писателя, опубликованное "Литературной газетой" 1 января 2007 года, подписали десятки далеко не последних в русской литературе людей, и там говорилось: "Прокуратуры и суды должны выявлять и наказывать подлинных экстремистов, а не преследовать писателей и публицистов, которые по роду своей деятельности являются "зеркалом общества" и отражают то, что происходит в стране... Опасный прецедент следует пресечь в его зародыше, не дожидаясь, пока запрет книг, уголовное преследование писателей и журналистов станет привычным явлением, обыденной судебной практикой, не дожидаясь начала массовых репрессий в отношении творческой и научной интеллигенции в России!..." Впрочем, вердикт суда, который предусматривал уничтожение (путём сожжения! — В.В.) книг Юрия Петухова, всё равно был вынесен, но, если посеявшим тот ветер приходится сейчас пожинать бую, вред ли это стоит считать проявлением исторической и высшей несправедливости.

Владимир ВИННИКОВ



Кадр из фильма «1993» (2023)

времени. 1990-е обычно рассматривают в целом — для кого-то они "святые", для иных — адские; кому-то — лихая младость с право-лево-радикальными тусовками, а другим — становление всевластного бизнеса. Вместе с тем начало, середина и финал десятилетия — это три временных пласта с различным наполнением. 1990–1993 год — брожение и сомнения, и потому неслучайна реплика главного героя: "А вот я сомневаюсь".

Этот Виктор (Евгений Цыганов) в августе 1991-го защищал "молодую демократию" от серых пиджаков ГКЧП, а спустя пару лет крепенько призадумался. И есть повод! Когда-то он был сотрудником секретно-космической отрасли, а теперь — замызганный работяга аварийной службы. То есть повелитель канализационных труб, император сливного бачка и, как вешает его циничная дочь: "Мой папа — черепашка-ниндзя".

туда ринулись, а "кто-то" пришёл и всё изгадил. Отня! Беспрестанные обвинения в адрес Горбачёва, Ельцина, Буша с его "ножками", рок-музыкантов с их "Пе-ре-ме-и!", ещё каких-нибудь мутных младореформаторов, но никто не ругает сам себя.

Перестроечное общество было настолько готовым к развалу и раздраю, что кукловодам и трудиться то особо не пришлось. Легонько подтолкнуть, чтобы всё покатило. Советский обыватель 1980-х — начала 1990-х в своей массе грезил не космосом, а жвачкой, джинсами и ста пятьюдесятью видами колбасы. "Чем кумушек считать трудиться, / Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?..." — вопрошал, точнее, советовал баснописец Крылов, и всем страдальцам по "яблоням на Марсе" надо бы корить самих себя, а не Лёню Толубкова из филерекламы MMM. Отрадно, что в фильме нам показана эволюция героя: из горячего поклон-

тируются — выщербленная ущербность прикрыта рекламными щитами, сулящими процветание. Тотальный exchangep — доллар правит бал. На баксы можно купить и спирт "Рояль", и офисное помещение, и долгоногую девочку в ярких леггинсах. Держалась мода на зелёно-фиолетовые, акваринно-фуксиевые, чудовищно дешёвые шмотки. Буйство спортивных костюмов — их тогда носили повсеместно: и в пир, и в мир, и в музей, и на баррикады.

У замотанных женщин, вроде жены главгероя Лены (Екатерина Вилкова), теплилась мечта: быть роскошной, то есть носить рединготы-кардиганы, как в журнале "Бурда", и получать в подарок златые цепи. Лена, работница той же аварийной команды, сидя в конторке, листает всю эту бурду, которая Burda, и пытается хотя бы в грёзах быть выхоленной красоткой. Но как дотянуться до бурды, если муж,